

УДК 94(476)«1920–1924»

«НОМЕНКЛАТУРНЫЙ ЭМБРИОН»: ЗАРОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ НОМЕНКЛАТУРНОЙ СИСТЕМЫ В ССРБ – БССР (1920–1924)

С. А. ЕЛИЗАРОВ¹⁾

¹⁾Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого,
пр. Октября, 48, 246746, г. Гомель, Беларусь

Рассматривается процесс зарождения в 1920–1924 гг. номенклатурной системы в Советской Белоруссии как имманентного феномена советской модели модернизации общества с присущей ей монополизацией властных полномочий единолично правящей коммунистической партии. Более детально эти вопросы изучены применительно к органам государственной власти и управления, где в наиболее явном виде реализовался номенклатурный принцип подмены выборов назначенчеством. Партийная номенклатура, с одной стороны, являлась логичным порождением этой модели, с другой – позволила ей не только сохраняться длительное время, но и с разной степенью эффективности решать стратегические и тактические задачи развития. Сделан вывод, что к концу 1924 г. были созданы все основные предпосылки для организационного оформления классической советской номенклатурной системы. Во-первых, в этот период закрепляется принцип монополии большевистской партии в определении кадрового состава органов государственной власти и управления, включая выборные должности. Во-вторых, происходит формирование системы органов учета и распределения партийных кадров и фактическое распространение механизма кадрового регулирования на все структуры власти. В-третьих, определяется перечень должностей, дающих с точки зрения высшего партийно-советского руководства возможность управления всеми сферами жизни общества и контроля над ними в движении к социалистическому идеалу.

Ключевые слова: Советская Белоруссия; номенклатура; коммунистическая партия; партийные комитеты; органы власти и управления; кадровая политика; партийный учет; распределительная работа.

«НАМЕНКЛАТУРНЫ ЭМБРЫЁН»: ЗАРАДЖЭННЕ САВЕЦКАЙ НАМЕНКЛАТУРНАЙ СІСТЭМЫ Ў ССРБ – БССР (1920–1924)

С. А. ЕЛИЗАРАЎ^{1*}

^{1*}Гомельскі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт імя П. В. Сухого, пр. Кастрычніка, 48, 246746, г. Гомель, Беларусь

Разглядаецца працэс зараджэння ў 1920–1924 гг. наменклатурнай сістэмы ў Савецкай Беларусі як іманентнага феномена савецкай мадэлі мадэрнізацыі грамадства з уласцівай ёй манапалізацыяй уладных паўнамоцтваў камуністычнай партыі, якая правіць аднаасобна. Больш дэталёва гэтыя пытанні вывучаны ў дачыненні да органаў дзяржаўнай улады і кіравання, дзе ў найбольш відавочным выглядзе рэалізаваўся наменклатурны прынцып падмены выбараў прызначэнствам. Партыяная наменклатура, з аднаго боку, з’яўлялася лагічным параджэннем гэтай мадэлі, з другога – дазволіла ёй не толькі захоўвацца працяглы час, але і з рознай ступенню эфектыўнасці вырашаць

Образец цитирования:

Елизаров С.А. «Номенклатурный эмбрион»: зарождение советской номенклатурной системы в ССРБ – БССР (1920–1924). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2020;3:34–43.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-34-43>.

For citation:

Elizarov SA. «Nomenclature embryo»: the birth of the Soviet nomenclature system in SSRB – BSSR (1920–1924). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2020;3:34–43. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-3-34-43>.

Автор:

Сергей Александрович Елизаров – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин гуманитарно-экономического факультета.

Author:

Sergey A. Elizarov, doctor of science (history), full professor; professor at the department of social-humanitarian and legal disciplines, economics and humanities faculty.

стратэгічныя і тактычныя задачы развіцця. Зроблен вывад, што да канца 1924 г. былі створаны ўсе асноўныя перадумовы для арганізацыйнага афармлення класічнай савецкай наменклатурнай сістэмы. Па-першае, у гэты перыяд замацоўваецца прынцып манаполіі бальшавіцкай партыі ў вызначэнні кадравага складу органаў дзяржаўнай улады і кіравання, уключаючы выбарныя пасады. Па-другое, адбываецца фарміраванне сістэмы органаў уліку і размеркавання ўсіх партыйных кадраў і фактычнае распаўсюджванне механізма кадравага рэгулявання на ўсе структуры ўлады. Па-трэцяе, вызначаецца пералік пасадак, якія з пункта гледжання вышэйшага партыйна-савецкага кіраўніцтва даюць магчымасць кіравання ўсімі сферамі жыцця грамадства і кантролю за імі ў руху да сацыялістычнага ідэалу.

Ключавыя словы: Савецкая Беларусь; наменклатура; камуністычная партыя; партыйныя камітэты; органы ўлады і кіравання; кадравая палітыка; партыйны ўлік; размеркавальная праца.

«NOMENCLATURE EMBRYO»: THE BIRTH OF THE SOVIET NOMENCLATURE SYSTEM IN SSRB – BSSR (1920–1924)

S. A. ELIZAROV^a

^a*Sukhoi State Technical University of Gomel, 48 Kastychnika Avenue, Homiel 246746, Belarus*

The article considers the process of origin in 1920–1924 of the nomenclature system in the Soviet Belarus as an immanent phenomenon of the Soviet model of modernization of society with its inherent monopolization of power of the monopolistically ruling Communist party. These issues are considered in more detail in relation to public authorities and management, where the nomenclature principle of substitution of elections by appointment is most clearly implemented. The party nomenclature, on the one hand, was a logical product of this model; on the other hand, it allowed it not only to persist for a long time, but also to solve both strategic and tactical development tasks with varying degrees of efficiency. The author comes to the conclusion that by the end of 1924, all the basic prerequisites for the organizational design of the classical Soviet nomenclature system were created. Firstly, during this period, the principle of monopoly of the Bolshevik party in determining the personnel composition of state authorities and management, including the occupation of elected positions, was consolidated. Secondly, a system of accounting and distribution bodies for all party cadres is being formed and this mechanism is actually being extended to all power structures. Third, a list of positions is being formed that, from the point of view of the highest party and Soviet leadership, enable it to manage and control all spheres of society's life in its movement towards the socialist ideal.

Keywords: Soviet Belarus; nomenclature; Communist party; party committees; government and management bodies; personnel policy; party accounting; distribution work.

Введение

В любой политической системе, при любой форме государственного устройства реализация инициатив, программ, планов, стратегических и тактических решений высших органов власти зависит от кадрового состава исполнителей. Он определяется соответствующим механизмом кадрового регулирования, который практически сводится к двум главным вариантам – выборность и назначение вне выборных процедур. Для советской практики (при формализации механизма выборов) был характерен второй вариант, получивший воплощение в таком феномене, как *партийная номенклатура* (более точно – номенклатура партийных комитетов), первоначально означавшая перечень должностей (в том числе и выборных), назначение на которые, а также и смещение с них проводится по решению различного уровня органов монополюс правящей коммунистической партии.

Изучение проблемы роли, места, организации и механизма функционирования партийной номен-

клатуры в истории советского общества представляет не только академический, но и практический интерес: насколько советские номенклатурные традиции оказались живучи, в какой степени присутствуют в менталитете современных руководителей разного уровня, как сильно проявляются в кадровых практиках постсоветских государств, в какой мере полезны или вредны для разработки и реализации национально-государственных вариантов модернизационных процессов (учитывая, что все аналогичные процессы в СССР планировались и осуществлялись именно номенклатурой) и т. п.

Интерес исследователей к изучению номенклатуры партийных органов как феномена советской политической системы начинается с работ М. Джиласа [1] и М. С. Восленского [2], рассматривавших ее как «новый класс» – советский правящий класс. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в научном дискурсе превалировал политологический подход, обуслов-

ленный отсутствием серьезных профессиональных исторических исследований, основанных на оригинальных архивных материалах. Научный исторический анализ советской партийной номенклатуры запаздывал по объективным причинам: требовалось время для выявления и осмысления комплекса архивных документов. Уже к середине 1990-х гг. были опубликованы первые крупные работы, посвященные историческим аспектам формирования и развития номенклатурной системы, ее роли в кадровой политике в СССР [3–7].

С конца 1990-х гг. это направление исторических исследований (в том числе в последние годы активно разрабатывается региональный аспект проблемы) становится довольно популярным среди российских историков [8–18]. В англоязычной историографии номенклатурная система традиционно анализируется в общем контексте генезиса советской политической системы [19–21].

В белорусской историографии специальные исследования этой проблемы отсутствуют, а ученые лишь рассматривают номенклатурный феномен как историческую данность при изучении различных аспектов советского прошлого, прежде всего

для обоснования тезиса об антидемократичном, репрессивном характере советской политической системы [22; 23].

При этом в современной историографии главным образом уделяется внимание вопросам функционирования уже сложившегося номенклатурного механизма и лишь фрагментарно представлен материал, касающийся процессов зарождения его основных элементов в первые послереволюционные годы. В связи с вышесказанным автор предпринял попытку проанализировать процессы зарождения партийной номенклатуры в условиях Советской Белоруссии в 1920–1924 гг., выявить теоретические и организационные предпосылки ее появления. Номенклатура в статье рассматривается прежде всего как институализация монополии коммунистической партии на власть, как механизм регулирования состава руководящих кадров и обеспечения партийным органам ведущей роли в системе принятия и реализации управленческих решений. Более детально проблема исследуется применительно к органам государственной власти и управления, где в наиболее явном виде реализовался номенклатурный принцип подмены выборов назначенчеством.

Методология исследования

В данной работе автор руководствовался прежде всего принципом холизма, рассматривая советскую номенклатуру (номенклатуру партийных комитетов по кадрам органов государственной власти и управления) как имманентный феномен советской модели модернизации общества с присущей ей монополизацией властных полномочий единолично

правлящей коммунистической партии. Автор исходит из того, что партийная номенклатура, с одной стороны, являлась логичным порождением этой модели, с другой – позволила ей не только сохраняться длительное время, но и с разной степенью эффективности решать как стратегические, так и тактические задачи общественного развития.

Результаты и их обсуждение

С первых дней советской власти большевики, формируя новый госаппарат, целенаправленно стремились обеспечить себе руководящие посты во вновь создававшейся советской системе государственных органов власти и управления, а также взять под свой контроль вопросы кадровой политики. Это было закономерным следствием одного из основополагающих принципов большевистского партийного строительства – неразрывного единства политической и организационной работы, – который последовательно отстаивал лидер партии В. И. Ленин. С установлением советской системы органов власти и управления возникла проблема регулирования отношений между структурами правящей большевистской партии и госаппаратом. Партийные комитеты начинают все более подменять органы государственной власти, происходит интенсивный процесс сращивания функций партийного и государственного аппаратов, что приводило к конфликтам и в центре, и на местах. На VIII съезде РКП(б) (18–23 марта

1919 г.) утвердили ставший классическим в советской теории государственного строительства принцип: «Смешивать функции партийных коллективов с функциями государственных органов, каковыми являются Советы, ни в коем случае не следует. <...> Свои решения партия должна проводить через советские органы, в рамках Советской Конституции. Партия старается руководить деятельностью Советов, но не заменять их»¹. Однако на практике трактовки этого положения различались. Часть членов большевистской партии и партийных руководителей «второго плана» утверждали, что партийное руководство госорганами должно ограничиваться постановкой политических задач, подготовкой директив, идейным обеспечением и организацией контроля за выполнением партийных решений, но без вмешательства в сам процесс деятельности госаппарата, в том числе в подбор кадров. В свою очередь руководящее коммунистическое большинство во главе с В. И. Лениным последовательно проводило линию

¹Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917–1924. М. : Политиздат, 1970. С. 108.

на прямое регулирование кадрового состава органов государственной власти и управления партийными структурами как ключевого средства реализации партийных решений. Так, на VIII съезде РКП(б) было прямо заявлено, что задача большевистской партии – завоевать «безраздельное политическое господство в Советах» и установить «фактический контроль над всей их работой», выдвигая «на все советские посты своих наиболее стойких и преданных членов»². На IX съезде РКП(б) (29 марта – 5 апреля 1920 г.) В. И. Ленин в очередной раз выступил с резкой критикой попыток отделить политическую работу от организационной: «...никакой политики нельзя провести, не выражая ее в назначении и перемещении. <...> Точно разделить политбюро и оргбюро, разграничить их деятельность трудно. Всякий вопрос может стать политическим, даже назначение коменданта. <...> Предположим, что оргбюро вы отделите от политического руководства. Я спрашиваю, в чем же будет состоять тогда политическое руководство? Кто же руководит, как не люди, и как же руководить, как не распределять?»³

Формирование номенклатурной системы начинается с организации системы учета и распределения большевистских кадров. В ЦК РКП(б) по решению VIII съезда РКП(б) в апреле 1919 г. был создан Учетно-распределительный отдел (Учраспред) в составе Секретариата ЦК. В его функции входил учет партийных работников и последующее их распределение на ответственные посты в партийных, профсоюзных, государственных, хозяйственных организациях и учреждениях [16].

После восстановления в августе 1920 г. самостоятельной КП(б)Б в структуре ее ЦБ (Центральное бюро) был создан собственный Учраспред. В это время в республике повсеместно ощущался острый дефицит кадров как «ответственных руководителей» (председателей и заведующих отделами ревкомов и исполкомов, других советских учреждений), для которых обязательным становится членство в большевистской партии, так и рядовых советских служащих (технических и канцелярских работников). ЦБ КП(б)Б признавалось, что в первые месяцы после освобождения белорусских земель от польской оккупации «ЦБ питалось теми работниками, которые направлялись главным образом ЦК РКП и военно-политическими организациями»⁴. Еще в большей степени, чем в Минске, дефицит кадров ощущался в уездах.

К октябрю 1920 г. ЦК РКП(б) направил в распоряжение ЦБ КП(б)Б 150 человек, еще 127 человек при-

были по другим каналам. Из них 117 были распределены в уезды, а остальные – в Минск⁵. При этом обеспеченность такими работниками белорусских партийных и советских органов (в сравнении с Литвой и занятыми Красной армией польскими территориями) выглядела вполне удовлетворительной по одной причине: благодаря возможности использовать в белорусских структурах власти и управления русскоговорящие кадры. Заведующий Учраспредом ЦК РКП(б) А. О. Альский в сентябре 1920 г. в письме к секретарю ЦБ КП(б)Б В. Г. Кнорину прямо указывал: «Ваше положение было наиболее выигрышным, так как в Белоруссии могли быть использованы товарищи из наших внутренних губерний, говорящих исключительно на русском языке. <...> В связи с направлением к вам пачками коммунистов литовцев, белорусов и поляков у нас создается впечатление, что у вас работников достаточно, во всяком случае больше, чем в любой области РСФСР»⁶.

Подобного рода решение кадровой проблемы вызывало критику со стороны ряда белорусских руководителей. В январе 1921 г. к В. И. Ленину с докладной запиской «по полномочию группы ответственных белорусских коммунистов» обратился А. Л. Бурбис (заместитель наркома земледелия ССРБ). Вся политика партийных и советских центральных и республиканских органов на белорусской территории характеризовалась им как «политика, враждебная всему белорусскому», осуществлявшаяся «пришлым элементом», оказавшимся у власти в Беларуси в результате октябрьских событий 1917 г. Подобная практика продолжалась и в дальнейшем, следствием чего, по мнению А. Л. Бурбиса, стало то, что «не оказалось на месте необходимых кандидатур на ответственные посты и естественно у власти очутились те же почти наезжие коммунисты, как их называет белорусский народ, что и раньше». Как выход, предлагалось «мобилизовать для работы в Белоруссии белорусских политических работников – коммунистов, знакомых с краем и искусственно рассеянных по всей России»⁷. Аналогично (практически слово в слово) кадровая политика в отношении Беларуси оценивалась в знаменитом «заявлении 32-х» от 1 февраля 1921 г., направленном в ЦБ КП(б)Б (копия – в ЦК РКП(б)) «от группы белорусских коммунистов»⁸.

После V съезда КП(б)Б (15–20 октября 1921 г.) Учраспред был преобразован в Учетно-статистический (в некоторых документах – Учетно-распределительный) подотдел (Учстат) Организационно-

²Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917–1924. М.: Политиздат, 1970. С. 108.

³Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 40. Декабрь 1919 – апрель 1920. М.: Изд-во полит. лит., 1974. С. 237, 262–263.

⁴Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 33. Л. 157.

⁵Там же. Л. 145 об.

⁶Там же. Л. 157.

⁷Там же. Д. 433. Л. 15–16.

⁸Там же. Д. 471. Л. 4–5.

инструкторского отдела ЦБ КП(б)Б. Его возглавил М. Мирский. На местах данной работой занимались учетно-статистические (учетно-распределительные) подотделы оргинструкторских отделов укомов и райкомов партии.

В это время распределительная работа проводилась главным образом лишь по конкретным запросам отдельных парторганизаций и учреждений. При распределении коммуниста прежде всего требовалось учитывать характер его прошлой работы, возраст, образование, уровень «политического развития» и административно-организаторские способности⁹. За сентябрь – ноябрь 1921 г. в распоряжение ЦБ КП(б)Б прибыло 280 человек, в том числе из Москвы – 88, из российских губерний – 84, из других республик (главным образом Украины) – 27, из Польши – 5, из уездов ССРБ – 53, из Красной армии – 23. Основная часть (83 человека) была распределена в белорусские наркоматы, в уезды направлено 26 человек¹⁰.

К декабрю 1921 г. на учете в ЦБ КП(б)Б находилось 270 ответственных работников. Для удобства Учстат ЦБ КП(б)Б разработал собственные категории учета: партийная (54 человека), советская (151 человек), профессиональная (37 человек), военная (25 человек) и кооперативная (3 человека). В свою очередь партийная делилась на организационную, агитационно-пропагандистскую и журнальную; советская – на хозяйственно-экономическую и административную; профессиональная – на организационную и культурно-просветительскую; военная – на командную, политическую и хозяйственно-административную; кооперативная – на организационную и финансовую.

В октябре 1921 г. В. И. Ленин направил в ЦК предложение «об изучении состава ответственных работников – коммунистов с точки зрения их пригодности к работе разного масштаба и разного рода»¹¹. Это предложение вошло в принятое по докладу В. М. Молотова постановление Пленума ЦК РКП(б) от 8 октября 1921 г. об учете ответственных работников и порядке их распределения. Реализация постановления поручалась В. М. Молотову и Л. М. Кагановичу [14, с. 6].

В 1922 г. Учраспред ЦК РКП(б) разработал инструкцию по учету ответственных работников, в соответствии с которой и в ССРБ возобновили учет данной категории коммунистов¹². Формально дело касалось лишь членов коммунистической партии, но фактически эта работа распространялась на всех лиц, занимавших в течение шести месяцев одну из руководящих должностей. Учет ответственных

работников проводился местными партийными комитетами (от укомов до ЦК) в соответствии с тремя утвержденными масштабами (учетными сетками): губернским, уездным и волостным. Инструкцией определялся конкретный перечень должностей каждого из масштабов, самостоятельно изменить который местные парторганы не имели права. Так, по категории «советская административная работа» к ответственным работникам губернского масштаба относились председатели, члены президиумов и заведующие отделами губисполкомов, уездного масштаба – занимавшие аналогичные должности работники уисполкомов, а волостного – председатели, секретари и члены волисполкомов, финансовые и продовольственные инспекторы волисполкомов.

Все назначения и перемещения ответственных работников губернского и уездного масштабов проводились только по постановлению коммунистического губкома. Губкомы имели право снимать с должностей работников различных ведомств, но при этом требовалось согласие самого ведомства либо прямая санкция ЦК РКП(б). Распределением рядовых работников в пределах уезда могли самостоятельно заниматься укомы, а также вышестоящие партийные органы вплоть до ЦК¹³.

По состоянию на сентябрь 1922 г. на учете в ЦБ КП(б)Б находилось 35 работников губернского масштаба, в том числе секретарь ЦБ КП(б)Б В. А. Богущкий, председатель ЦИК и СНК ССРБ А. Г. Червяков, все наркомы ССРБ, председатель белорусского ГПУ Я. К. Ольский, председатель Революционного трибунала Белоруссии (начальник Главмилиции) Е. М. Кроль, заведующий орготделом ЦБ КП(б)Б Я. А. Левин и др. Еще 35 человек стояли на учете как резерв работников губернского масштаба.

Список работников уездного масштаба включал 15 человек: секретарей, заведующих организационными и агитационно-пропагандистскими отделами укомов и райкомов партии, председателей уисполкомов. Группа резерва работников уездного масштаба насчитывала 18 человек, к ней относились заведующий Учстатом ЦБ КП(б)Б М. Л. Ростовский, заведующие уездными отделами народного образования и др.¹⁴

С лета 1918 г. появляется и вторая линия формирования состава будущей партийной номенклатуры: выделяется особая категория работников по оплате труда – «ответственные политические работники», в число которых включались «профессиональные, партийные, кооперативные, советские и хозяйственные работники, принимающие ответственное участие в деле профессионального,

⁹НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 727. Л. 160.

¹⁰Там же. Д. 191. Л. 36, 40.

¹¹Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 44. Июнь 1921 – март 1922. М. : Изд-во полит. лит., 1970. С. 134.

¹²Сборник инструкций по учету и распределению партработников. М. : Главполитпросвет, 1923. С. 4–12.

¹³Там же. С. 23–28.

¹⁴НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 445. Л. 7–8, 22–23.

партийного, кооперативного, советского и хозяйственного строительства, несущие ответственность не только за техническое исполнение возложенных на них обязанностей, но являющихся ответственными за идейное и политическое направление и проведение возложенных на них функций»¹⁵. В 1921 г. положение Совета профессиональных союзов Белоруссии об оплате труда ответственных работников из числа кадров советских административно-управленческих органов относило к этой категории членов волостных и уездных исполкомов, президиумов уисполкомов и горисполкомов, заведующих отделами уисполкомов, ответственных политических инструкторов уисполкомов, губернских и уездных инспекторов труда, членов президиумов ЦИК и СНК ССРБ, наркомов и их заместителей, уполномоченных РСФСР при СНК ССРБ¹⁶.

Вслед за РСФСР с конца 1921 г. ССРБ переходит на 17-разрядную тарифную сетку, официально отменявшую отдельный тариф «ответственный». Теперь ответственные административно-управленческие работники советских госорганов получали оплату по тарифам 12–17-го разрядов: члены высшего советского республиканского руководства (члены президиумов ЦИК и СНК ССРБ, члены коллегий наркоматов), члены президиумов и рядовые члены уисполкомов и горисполкомов, заведующие отделами уисполкомов, губернские и уездные инспекторы труда¹⁷. В дальнейшем еще не раз уточнялась конкретная разбивка и состав ответственных политработников.

В первое послевоенное время учетная работа на местах находилась в зачаточном состоянии. В штате учетно-статистического подотдела орготдела каждого укома партии числился лишь один работник – заведующий. Заведующие орготделами и учстатами часто менялись, к тому же «в большинстве случаев не были даже достаточно знакомы с самой постановкой дела, инструкциями ЦК и т. п.», а сами партийные комитеты относились к работе уездных учстатов «чрезвычайно невнимательно»¹⁸. Заведующие учстатами практически не играли никакой роли в распределительной работе парткомов, в лучшем случае лишь предоставляя сведения о кандидатах на ту или иную должность¹⁹.

Тем не менее со временем партийные руководители на местах начинают все более внимательно относиться к подбору руководителей учетно-распределительной работы. Так, в июне 1923 г. Борисовский уком дал такую характеристику заведующему учстатом

А. М. Малиновскому: «Преданный делу работник... после определенного периода на этой работе сумеет самостоятельно руководить делом...». Минский уком так охарактеризовал заведующего учстатом С. С. Наждак: «...стаж имеет небольшой, но подает надежды месяца через 3–4 быть хорошей работницей по учету...». Минский горрайком отмечал, что заведующий учстатом горрайкома В. А. Вальчак «имеет стаж партийной работы, на должности зав. учстатом – недавно... при большом опыте и практике выработается весьма ценный работник по учету»²⁰.

Механизм собственно распределительной работы был следующий. В начале 1922 г. распределением как прибывавших в республику, так и поступающих в распоряжение ЦБ КП(б)Б партработников фактически занимался только заведующий Учстатом ЦБ КП(б)Б. Сами же сотрудники подотдела (шесть человек) были перегружены иной работой, часто не связанной с непосредственными их обязанностями. По этой причине существующий порядок претерпел изменения и распределительные функции были переданы заведующему Организационно-инструкторским отделом ЦБ КП(б)Б (в 1922 г. – В. А. Богущкий и Я. А. Левин). Сам же Учстат ЦБ КП(б)Б занимался главным образом налаживанием учета, ограничиваясь лишь «некоторой подготовительной работой в смысле состояния личных дел и партдокументов прибывающих и учета спроса работников»²¹. Аналогичный порядок существовал и на уездном уровне.

За май – сентябрь 1922 г. в распоряжение ЦБ КП(б)Б прибыло 788 человек, из них 209 – из-за пределов республики (в том числе 66 человек от ЦК РКП(б)), остальные – из различных структур белорусского партийного, советского, профсоюзного, хозяйственного и кооперативного аппаратов. Большинство (267 человек) направили для руководящей работы в хозяйственные и кооперативные учреждения, 153 человека – в советские административные органы, 142 – в партийные органы (от укомов до ЦБ КП(б)Б), 81 человек уехал за пределы республики, остальные были распределены в учебные и лечебные заведения, Красную армию, профсоюзные органы и т. п.²²

В свою очередь в распоряжение укомов и райкомов за этот же период прибыло 590 коммунистов: 173 – по направлению ЦБ КП(б)Б, остальные – из различных органов и организаций республики. Основная их часть (360 человек) также пополнила советские органы власти и управления, хозяйственный и кооперативный аппараты, еще 110 человек были перенаправлены в распоряжение ЦБ КП(б)Б,

¹⁵НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 441. Л. 96.

¹⁶Там же. Ф. 265. Оп. 1. Д. 381. Л. 77–77 об.

¹⁷Там же. Д. 346. Л. 72.

¹⁸Там же. Д. 727. Л. 299, 325.

¹⁹Там же. Д. 445. Л. 6 об, 79.

²⁰Там же. Д. 1350. Л. 64.

²¹Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 727. Л. 302, 311.

²²Подсчитано автором по: НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 727. Л. 62–90.

17 – в Красную армию, остальные – в профсоюзы, органы здравоохранения и просвещения²³.

В первой половине 1920-х гг. распределительная работа парткомов носила столь массовый характер, что изучать персональные учетные документы просто не было времени: в 1923 г. почти во всех парторганизациях практически каждый член партии проходил через распределительный механизм (в Витебске из 1443 членов распределено 1258, в Бобруйске – 335 из 529, в Червенском уезде – 228 из 250 и т. п.). Проверявший учетно-распределительную работу Временного белорусского бюро (Белбюро) ЦК РКП(б) инструктор Учраспреда ЦК РКП(б) Виноградов информировал секретаря ЦК РКП(б) В. М. Молотова, что за апрель – декабрь 1923 г. парторганами в Советской Белоруссии было распределено 2584 человека (из них 1702 – аппаратом Белбюро, остальные – уездными парткомами), при этом «значительная группа товарищей... подвергалась перемещению несколько раз (7–8)»²⁴. В результате, по оценке белорусского Учстата, «подбор работников зачастую производится на глаз», а «недостаточная систематичность в изучении рядовых товарищей» приводит к «довольно частым неудачным назначениям на работу, требующим впоследствии переброек»²⁵.

В прямой и незавуалированной форме претензии руководства большевистской партии на тотальный контроль за назначением, перемещением и смещением всех управленческих кадров были зафиксированы XII съездом РКП(б) (17–25 апреля 1923 г.). В докладе И. В. Сталина, выступившего на съезде с отчетом об организационной работе ЦК РКП(б), ленинская идея о единстве политической и организационной работы получила четкую, ставшую классической формулировку: «...ясно, что руководящая роль партии должна выразиться не только в том, чтобы давать директивы, но и в том, чтобы на известные посты ставились люди, способные понять наши директивы и способные провести их честно. <...> После того как дана правильная политическая линия, необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь. В противном случае политика теряет смысл, превращается в махание руками»²⁶.

Эта позиция была закреплена в резолюции съезда по организационному вопросу, где заявлялось о необходимости усиления «партийного руководства в деле подбора руководителей советских, в частно-

сти хозяйственных и других органов, что должно осуществляться при помощи правильно и всесторонне поставленной системы учета и подбора руководителей и ответственных работников советских, хозяйственных, кооперативных и профессиональных организаций»²⁷.

Непосредственное появление номенклатуры как перечня основных руководящих должностей, назначение на которые, а также перемещение по ним осуществляется партийными органами, обычно связывают с постановлением оргбюро ЦК РКП(б) (ноябрь 1923 г.), в котором прямо указывалось: «Назначение и перемещение руководящего состава ответственных работников государственных и хозяйственных органов производится с утверждения ЦК, а на местах – соответствующими наркоматами и проводится через коллегии соответствующих наркоматов или через исполкомы». Предлагалось установить, во-первых, перечень должностей, назначения на которые «всегда обязательно утверждаются ЦК», а во-вторых, перечень должностей, назначения на которые осуществляются ведомствами после предварительного уведомления Учраспреда ЦК РКП(б). Все остальные ответственные работники могли назначаться и перемещаться самими ведомствами с последующим уведомлением Учраспреда ЦК РКП(б). Это деление и стало основой появления первой, второй и в дальнейшем третьей номенклатур. Касательно использования беспартийных на руководящих должностях указывалось на необходимость привлечения из них «вполне лояльных советской власти». Руководство учетом беспартийных ответственных работников возлагалось на Учраспред ЦК РКП(б), в качестве «подсобных» ему в ведомствах необходимо было сформировать «небольшие, но качественно хорошо подобранные учетные аппараты». Этот порядок распространялся на местные партийные организации и местные государственные и хозяйственные органы²⁸.

Соответственно и в БССР с января 1924 г. началась перестройка системы организации учетно-распределительной работы. Возглавлял учет и распределение кадров Учетно-распределительный подотдел (Учраспред) оргбюро ЦК КП(б)Б. В округах учетно-распределительной работой занимались учетно-статистические подотделы (учстаты) орготделов окружкомов КП(б)Б. Райкомы специальных структур не имели и первоначально могли распределять только рядовых работников (как командированных окружкомами в районы, так и состоящих в районных парторганизациях)²⁹.

²³Подсчитано автором по: НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 727. Л. 64–93.

²⁴НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1048. Л. 115.

²⁵Там же. Л. 89.

²⁶Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М.: Изд-во полит. лит., 1968. С. 62–63.

²⁷Там же. С. 705.

²⁸НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2549. Л. 218–221.

²⁹Там же. Д. 1350. Л. 138.

До конца 1924 г. в БССР учет партийных, советских, хозяйственных и других ответственных работников осуществлялся по прежним масштабам (губернский, уездный, волостной), приспособленным к условиям республики. При отсутствии в БССР губернского звена административно-территориального деления к категории «работник губернского масштаба» относились те советские кадры, которые по своим основным характеристикам занимали руководящие должности в центральных республиканских органах власти и управления. В частности, в эту категорию в 1924 г. включались председатель и секретарь СНК БССР, все наркомы и их заместители, председатель республиканского Госплана. В категорию «работник уездного масштаба» входили члены коллегий республиканских наркоматов, все председатели уисполкомов и их заместители, большинство заведующих отделами уисполкомов, часть председателей волисполкомов (другая их часть относилась к работникам волостного масштаба)³⁰.

На 1 февраля 1924 г. по «укрупненной БССР» было учтено 123 ответственных работника губернского масштаба, 717 – уездного, 716 – волостного. Портрет среднестатистического ответственного работника губернского масштаба выглядел следующим образом: мужчина в возрасте от 31 до 40 лет, коммунист, еврей, белорус или русский, служащий с низшим либо средним образованием. Работник уездного масштаба отличался от него возрастом (от 24 до 30 лет), а волостного – возрастом (от 24 до 30 лет), социальным происхождением (крестьянин), образованием (низшее) и национальностью (белорус)³¹.

Временем практического перехода к номенклатурной системе в БССР можно считать осень 1924 г. Для организации учетно-распределительной работы местных партийных органов на сове-

щании заведующих учстатами окружкомов КП(б)Б (28–30 октября 1924 г.) было принято положение «О распределительной работе парткомов Белоруссии». Партийные организации нацеливались прежде всего на регулирование «насыщенности партийными работниками отдельных отраслей работы... чтобы обеспечить партийное влияние во всех отраслях работы». Выдвижение на ответственные должности беспартийных допускалось лишь как исключение при условии отсутствия квалифицированных работников – коммунистов и сохранения «партийного влияния» в учреждении. Партийные комитеты имели право смещать работников с занимаемых ими должностей в пределах своих организаций, направлять работников в нижестоящие и иные организации. Положением была предпринята попытка дифференциации кадровой ответственности партийных органов по вертикали. Кадровые изменения среди работников губернского масштаба и работников ниже губернского масштаба, но занимавших должности по первой номенклатуре, проводились постановлением ЦК КП(б)Б. Секретариат ЦК КП(б)Б решал вопросы кадров уездного масштаба и ниже, включенных во вторую номенклатуру. Работников третьей (ведомственной) номенклатуры распределял Учраспред ЦК КП(б)Б в общем порядке организационной работы. Окружкомы распределяли работников уездного и волостного масштабов, а также работников рядового масштаба, но выполнявших работу уездного масштаба. Райкомы занимались перемещением рядовых работников³². Вскоре появился и первый вариант белорусских номенклатур по образцу номенклатур ЦК РКП(б) с распределением должностей по четырем основным группам: партийная, советская, хозяйственно-кооперативная и профсоюзная.

Заключение

Таким образом, к концу 1924 г. были созданы все основные предпосылки для организационного оформления номенклатурного механизма кадровой работы.

Во-первых, закрепляется принцип монополии большевистской партии в определении кадрового состава органов государственной власти и управления, включая выборные должности. На теоретическом уровне утвердился тезис о неразрывном единстве политической и организационной работы, на практике это реализовывалось через занятие руководящих должностей в государственном аппарате (в том числе и выборных) только по решению большевистских парткомов.

Назначенчество на выборные должности либо в прямой (через механизм кооптации), либо

в скрытой форме («рекомендации») утверждается в качестве главного элемента всей кадровой политики, ключевого средства реализации «руководящей роли коммунистической партии» и проведения решений партийных органов на всех уровнях органов государственной власти и управления. Эту практику не отрицали даже сторонники сохранения демократических механизмов формирования партийной и советской властной иерархии («децисты», «рабочая оппозиция»): их претензии касались лишь степени централизации назначенчества, высокой концентрации этих функций в руках центрального партийного аппарата в ущерб местного.

Во-вторых, в 1918–1924 гг. происходит формирование системы органов учета и распределения партийных кадров и фактическое распространение ме-

³⁰НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1048. Л. 4–5, 7–8.

³¹Там же. Д. 1352. Л. 139–141.

³²Там же. Д. 2550. Л. 150–152.

ханизма кадрового регулирования на все структуры государственной власти и управления. Первоначально большевики возглавили Советы путем выборов, эти выборные советские руководители формировали властные аппараты, ориентируясь прежде всего на членов своей партии. С появлением особых учетно-распределительных органов эта практика, обрстая партийными решениями и инструкциями, все больше приобретает строгие организационные формы и иерархичность.

В-третьих, формируется перечень должностей, дающих с точки зрения высшего партийно-советского руководства возможность управления всеми сферами жизни общества и контроля над ними в движении к социалистическому идеалу. Идет поиск наиболее эффективной системы градации таких должностей, распределение их на различные группы и подгруппы, определение сфер кадровой ответственности между управленческими структурами в большевистской партийной иерархии.

Параллельно формируется перечень должностей, относящихся по оплате труда к категории ответственных политических руководителей. Можно сказать, что и сам процесс складывания номенклатурной системы начинался именно с выделения этой категории работников и их особого тарифного регулирования.

Перечисленные процессы были общими для всех советских республик, где правящие коммунистические партии являлись лишь национальными реги-

ональными организациями РКП(б), построенной на принципах строгой партийной иерархии и подчиненности сверху донизу. КП(б)Б в этом отношении не проявляла никакой оппозиционности к решениям руководящих органов РКП(б), дисциплинированно, в меру своих возможностей и умения выполняя их. Зарождение номенклатурного механизма в советской Беларуси началось позднее, чем в РСФСР, но связано это было главным образом с особенностями процесса формирования белорусской государственности: ССРБ и КП(б)Б по существу создавались дважды – в 1919 и 1920 гг. с перерывом на польскую оккупацию белорусской территории, что затягивало во времени все организационные моменты, в том числе и создание системы учета и распределения кадров в республике. Кроме того, до весны 1922 г. главным источником пополнения руководящих кадров органов власти и управления различного характера и уровня были прибывавшие из-за пределов республики партийные работники. В целом для функционирования учетно-распределительной работы в ССРБ – БССР в 1919–1924 гг. были характерны общие для парторганизаций всех советских республик проблемы: текучесть и малочисленность кадров учетно-распределительных органов, недооценка этой работы руководителями парткомов, загрузка учетно-распределительных органов работой, выходящей за пределы их функций, распределение большого числа работников рядового масштаба и, как следствие, формализация самого процесса учета и распределения.

Библиографические ссылки

1. Джилас М. *Лицо тоталитаризма*. Щетинин ПА, Полак ЕА, Кириллова ОА, переводчики. Москва: Новости; 1992. 543 с.
2. Восленский МС. *Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза*. Москва: Советская Россия; 1991. 623 с. Совместное издание с МП «Октябрь».
3. Джавланов ОТ, Михеев ВА. *Номенклатура: эволюция отбора. Историко-политологический анализ*. Москва: Луч; 1993. 138 с.
4. Коржихина ТП, Фигатнер ЮЮ. Советская номенклатура: становление, механизмы действия. *Вопросы истории*. 1993;7:25–38.
5. Нефедов ВН. *Номенклатура империи: исследование кризиса*. Нижний Новгород: Издательство Волго-Вятского кадрового центра; 1994. 81 с.
6. Гимпельсон ЕГ. *Формирование советской политической системы, 1917–1923 гг.* Москва: Наука; 1995. 229 с.
7. Свириденко ЮП, Пашин ВП. *Коммунистическая номенклатура: истоки, сущность, содержание*. Москва: ГАСБУ; 1995. 172 с.
8. Мохов ВП. *Элитизм и история: проблемы изучения советских региональных элит*. Пермь: Издательство Пермского государственного технического университета; 2000. 204 с.
9. Гимпельсон ЕГ. *Советские управленцы, 20-е годы. Руководящие кадры государственного аппарата СССР*. Москва: ИРИ РАН; 2001. 225 с.
10. Павлова ИА. *Механизм власти и строительство сталинского социализма*. Новосибирск: Издательство СО РАН; 2001. 460 с.
11. Пашин ВП, Богданов СВ, Зюбан ОП. *Партийная номенклатура в СССР (1917–1930-е годы): зарождение, развитие, безраздельное могущество*. Белгород: Белгородская областная типография; 2004. 243 с.
12. Гаман-Голутвина ОВ. *Политические элиты России. Вехи исторической эволюции*. Москва: РОССПЭН; 2006. 446 с.
13. Чистиков АН. *Партийно-государственная бюрократия Северо-запада Советской России 1920-х годов*. Санкт-Петербург: Европейский Дом; 2007. 294 с.
14. Воробей АП. Основные тенденции формирования системы номенклатурных кадров в 1920-е годы. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2012;2:5–11.

15. Коновалов АБ. *Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991)*. Кемерово: Кузбассвуиздат; 2006. 635 с.
16. Зеленев МВ. Становление аппарата ЦК и института секретаря ЦК РСДРП(б) – РКП(б) в 1917–1922 гг. В: *Ученые записки. Том 7*. Нижний Новгород: Издательство Волго-Вятской академии государственной службы; 2007. с. 105–115.
17. Карелин ЕГ. *Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917–1937 гг.)*. Москва: РОССПЭН; 2014. 422 с.
18. Туфанов ЕВ. *Кадры региональных управленцев в 1920–1930-е годы: становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа)*. Ставрополь: ТЭСЭРА; 2018. 206 с.
19. Tucker RC. *Political culture and leadership in Soviet Russia: from Lenin to Gorbachev*. Brighton: Wheatsheaf Books; 1987. X, 214 p.
20. Lane D, editor. *Elites and political power in the USSA*. Hampshire: Edward Elgar; 1988. 299 p.
21. Brown A, editor. *Political leadership in the Soviet Union*. Basingstoke: Macmillan; 1989. XI, 245 p.
22. Касцюк МП. *Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі*. Мінск: Экаперспектыва; 2000. 307 с.
23. Прот'ко ТС. *Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.)*. Минск: Тесеи; 2002. 688 с.

References

1. Djilas M. *Litso totalitarizma* [The face of totalitarianism]. Shchetinin PA, Polak EA, Kirillova OA, translators. Moscow: Novosti; 1992. 543 p. Russian.
2. Voslenskii MS. *Nomenklatura. Gospodstvuyushchii klass Sovetskogo Soyuza* [Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union]. Moscow: Sovetskaya Rossiya; 1991. 623 p. Co-published by the MP «Oktyabr». Russian.
3. Dzhevlanov OT, Mikheev VA. *Nomenklatura: evolyutsiya otbora. Istoriko-politologicheskii analiz* [Nomenclature: evolution of selection. Historical and political analysis]. Moscow: Luch; 1993. 138 p. Russian.
4. Korzhikhina TP, Figatner YuYu. [Soviet nomenclature: formation, mechanisms of action]. *Voprosy istorii*. 1993;7:25–38. Russian.
5. Nefedov VN. *Nomenklatura imperii: issledovanie krizisa* [The nomenclature of the empire: a study of the crisis]. Nizhny Novgorod: Izdatel'stvo Volgo-Vyatskogo kadrovogo tsentra; 1994. 81 p. Russian.
6. Gimpel'son EG. *Formirovanie sovetskoi politicheskoi sistemy, 1917–1923 gg.* [Formation of the Soviet political system, 1917–1923]. Moscow: Nauka; 1995. 229 p. Russian.
7. Sviridenko YuP, Pashin VP. *Kommunisticheskaya nomenklatura: istoki, sushchnost', sodержanie* [Communist nomenclature: origins, essence, content]. Moscow: GASBU; 1995. 172 p. Russian.
8. Mokhov VP. *Elitizm i istoriya: problemy izucheniya sovetskikh regional'nykh elit* [The elitism and history: the problem of study of Soviet regional elites]. Perm: Izdatel'stvo Permskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta; 2000. 204 p. Russian.
9. Gimpel'son EG. *Sovetskie upravlyentsy, 20-e gody. Rukovodyashchie kadry gosudarstvennogo apparata SSSR* [Soviet managers, 20s. Leading personnel of the state apparatus of the USSR]. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN; 2001. 225 p. Russian.
10. Pavlova IA. *Mekhanizm vlasti i stroitel'stvo stalinskogo sotsializma* [The mechanism of power and the construction of Stalinist socialism]. Novosibirsk: Publishing house of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 2001. 460 p. Russian.
11. Pashin VP, Bogdanov SV, Zyuban OP. *Partiinaya nomenklatura v SSSR (1917–1930-e gody): zarozhdenie, razvitie, bezrazdel'noe mogushchestvo* [The party nomenclature in the Soviet Union (1917–1930s): birth, development, undivided power]. Belgorod: Belgorodskaya oblastnaya tipografiya; 2004. 243 p. Russian.
12. Gaman-Golutvina OV. *Politicheskie elity Rossii. Vekhi istoricheskoi evolyutsii* [Political elites of Russia. Milestones of historical evolution]. Moscow: ROSSPEN; 2006. 446 p. Russian.
13. Chistikov AN. *Partiino-gosudarstvennaya byurokratiya Severo-zapada Sovetskoi Rossii 1920-kh godov* [The party-state bureaucracy of the North-West of Soviet Russia in the 1920s]. Saint Petersburg: Evropeiskii Dom; 2007. 294 p. Russian.
14. Vorobey AP. The main trends of forming the system of executives in the 1920s. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2012;2:5–11. Russian.
15. Konovalov AB. *Partiinaya nomenklatura Sibiri v sisteme regional'noi vlasti (1945–1991)* [Party nomenclature of Siberia in the system of regional power (1945–1991)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat; 2006. 635 p. Russian.
16. Zelenov MV. [Formation of the apparatus of the Central Committee and the institute of the secretary of the Central Committee of the RSDLP(b) – RCP(b) in 1917–1922]. In: *Uchenye zapiski. Tom 7* [Scientific notes. Volume 7]. Nizhny Novgorod: Izdatel'stvo Volgo-Vyatskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby; 2007. p. 105–115. Russian.
17. Karelin EG. *Regional'nyi mekhanizm vlasti i upravleniya Zapadnoi oblasti Sovetskoi Rossii (1917–1937 gg.)* [Regional mechanism of power and management of the Western region of Soviet Russia (1917–1937)]. Moscow: ROSSPEN; 2014. 422 p. Russian.
18. Tufanov EV. *Kadry regional'nykh upravlyentsev v 1920–1930-e gody: stanovlenie i funktsionirovanie (na materialakh Severnogo Kavkaza)* [Cadres of regional managers in the 1920s and 1930s: formation and functioning (based on the materials of the North Caucasus)]. Stavropol: TESERA; 2018. 206 p. Russian.
19. Tucker RC. *Political culture and leadership in Soviet Russia: from Lenin to Gorbachev*. Brighton: Wheatsheaf Books; 1987. X, 214 p.
20. Lane D, editor. *Elites and political power in the USSA*. Hampshire: Edward Elgar; 1988. 299 p.
21. Brown A, editor. *Political leadership in the Soviet Union*. Basingstoke: Macmillan; 1989. XI, 245 p.
22. Kascjuk MP. *Bal'shavickaja sistjema wldy na Belarusi* [The bolshevik system of state power in Belarus]. Minsk: Jekaperspektyva; 2000. 307 p. Belarusian.
23. Prot'ko TS. *Stanovlenie sovetskoi totalitarnoi sistemy v Belarusi (1917–1941 gg.)* [Formation of the Soviet totalitarian system in Belarus (1917–1941)]. Minsk: Tesei; 2002. 688 p. Russian.